

A man and a woman are shown in profile, looking towards the right. The man has curly brown hair and a light beard, wearing a dark shirt. The woman has dark hair and is also wearing a dark shirt. They are standing in front of a body of water at sunset. In the background, there is a wooden building with warm lights and a table with glasses. In the foreground, there is a small lantern with a lit candle and some pink roses.

По
СЕМЕЙНЫМ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

— ∞ —
Аля Кьют

Аля Кьют

По семейным обстоятельствам

«Автор»

2026

Кьют А.

По семейным обстоятельствам / А. Кьют — «Автор», 2026

Однажды муж поставил Таню перед фактом: мы расстаёмся. Ей пришлось научиться жить без него. Только оказалось, что развестись намного проще, чем расстаться.

© Кьют А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

По семейным обстоятельствам	5
Глава 2. Ключ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Аля Кьют

По семейным обстоятельствам

По семейным обстоятельствам

Глава. 1. Раньше времени

Таня

Петя вернулся на день раньше.

Я ждала его в пятницу вечером и поэтому занималась своими делами.

Когда в прихожей щёлкнул замок, я машинально посмотрела на часы.

Без двадцати девять.

Пётр появился в дверях гостиной.

С дорожной сумкой через плечо, в тёмной куртке, которую не снял в прихожей. Уставший, небритый, с тем выражением лица, которое я приняла за раздражение после дороги.

— Привет, — проговорил он.

— Привет. А ты почему сегодня?

Я улыбнулась и поднялась с пола, заправляя домашние брюки.

— Я тебя завтра ждала.

— Закончили раньше.

Он поставил сумку возле стены. Я подошла и поцеловала его.

Пётр ответил на поцелуй автоматически. Он вообще был какой-то отстранённый.

Я сразу это заметила, но не придавала значения, не заострила внимание.

За двадцать лет брака человек учится игнорировать огромное количество мелочей.

— Ты ел?

— В самолёте.

— Это не еда.

— Тань, правда, не хочу.

— Там суп есть. И котлеты. Я вчера делала.

— Не надо.

Я уже шла на кухню.

— Чай тогда?

Он поплёлся за мной.

— Давай.

Это «давай» почему-то успокоило меня.

Чай означал обычный вечер.

Чай означал, что он приехал домой.

— Как прошёл твой день? — спросил Петя, как обычно.

Я включила чайник и начала рассказывать про мастера, который опять перенёс установку дверей, про соседей сверху, которые гуляли до часу ночи, про то, что холодильник стал странно гудеть.

— Ещё Лиза позвонила из общежития и попросила денег, потому что «внезапно выяснилось, что интернет не бесплатный».

— Неожиданно, — усмехнулся муж.

— Угу, девочка девятнадцать лет прожила и только сейчас узнала.

— Счастливая.

Он сидел за столом и смотрел на меня как-то странно. Он всё ещё не снял куртку. Но хоть сумку оставил у стола.

Он обычно после поездок был другим. Раздражённым аэропортами, шумным, голодным. Мог двадцать минут рассказывать, какой идиот составлял программу конференции или как заказчик трижды поменял требования к проекту.

Сегодня он был, мягко говоря, немногословен.

— Всё нормально? — спросила я, начиная тревожиться.

— Да.

Я поставила перед ним кружку с чаем.

— Ты какой-то...

— Какой?

Я пожала плечами.

— Не знаю.

Сев напротив, я спросила:

— Устал?

— Наверное.

Петя взял кружку обеими руками, но пить не стал. Я не сводила с него глаз.

— Что случилось?

— Ничего.

— Петя!

Он поднял глаза.

И вот тогда я испугалась.

Его лицо было слишком спокойным, даже отстранённым.

Так смотрят люди, которые долго готовились к разговору.

Он помолчал, а потом сказал самую ужасную фразу на свете.

— Нам надо поговорить.

— Нет, — сразу сказала я.

Петя удивился.

— Что — нет?

— Не говори так.

— Как?

— «Нам надо поговорить». — Я попыталась улыбнуться. — После этой фразы никогда ничего хорошего не бывает.

Он опустил глаза, и моя улыбка сползла с лица.

Петя провёл ладонью по лицу.

— Я не знаю, как это сказать.

— Просто скажи. Что-то на работе? Жалобы? Уволили? Украли документы?

— Нет-нет, — быстро отмахнулся он. — Просто...

Муж запустил руку в волосы, зачёсывая их назад, выдохнул и сказал:

— Я ухожу, Тань.

— Куда? — не поняла я.

Пётр закрыл глаза.

— Ты сейчас куда-то уходишь? — уточнила я. — Ты только приехал. Поэтому не снял куртку?

— Нет, — опять кратко ответил он.

Словно за каждое слово в ответ Пете пришлось бы платить круглую сумму.

— Тогда что значит «ухожу»?

Он молчал.

— Петя! — рявкнула я, теряя терпение.

— Я хочу уйти от тебя.

Да, так стало понятнее. Я снова смотрела на его куртку и сумку у стола. Мозг ухватился за неё, как за доказательство ошибки.

Сумка была большая.

Но не настолько объёмная, чтобы в ней унести двадцать лет.

— Ты устал, — проговорила я, отказываясь продолжать разговор о его уходе.

Пётр ничего не ответил.

— Ты только приехал. Давай ты поспишь.

— Тань.

— Что?

— Я не устал.

— Ты выглядишь ужасно.

— Спасибо.

— Я серьёзно. Тебе нужно отдохнуть, выспаться. — Я встала и стала собирать со стола посуду, которую только что туда поставила. — Давай завтра поговорим.

— Нет, Таня. Здесь я спать не буду, — сказал Петя очень уверенно.

Я чуть не уронила блюдо и села обратно за стол.

— У тебя кто-то есть?

Он не ответил сразу.

Я почувствовала, как внутри всё сковало холодом. Меня затрясло, но я продолжала напирать.

— Есть, Петя?

— Да, — тихо подтвердил он.

— Кто?

Пётр отвернулся.

— Её зовут Марина.

Я повторила:

— Марина.

Как будто проверяла имя на вкус. Оно ничего мне не говорило.

Досадно.

Если бы имя оказалось знакомым, возникла бы хотя бы точка опоры. Можно было бы вспомнить лицо, разговор, случайную встречу.

Но Марина была никем.

И именно этот никто сейчас разрушал мою кухню, мой дом, мою семью.

— С работы?

— Нет.

— Где познакомились?

— Тань...

— Где?

— На объекте в Нижнем.

Пётр работал инженером по промышленной автоматизации. Последние два года его компания модернизировала производственные линии в нескольких городах, и он постоянно ездил — три дня здесь, неделю там.

Я ненавидела эти командировки, но никогда их не боялась.

Теперь страх задним числом вошёл во все прошлые месяцы.

— Она кто?

— Архитектор.

— Замужем?

— Нет.

— Дети?

— Сын.

— Сколько ей?

— Какая разница?

— Мне есть разница!

Он замолчал.

— Тридцать восемь.

А мне — сорок четыре.

Она на шесть лет моложе. Всего на шесть.

Почему-то именно это унизило меня сильнее, чем если бы Марине было двадцать пять.

Двадцать пять можно было бы презирать.

Тридцать восемь означало выбор.

Не безумие, не кризис среднего возраста, не молодое тело заморочило разум мужа.

— Давно? — спросила я, продолжая терзаться внутри, но оставаясь почти равнодушной снаружи.

Пётр посмотрел в кружку.

— Почти год.

Я откинулась на спинку стула.

Год.

Невольно я начала считать.

Не потому, что хотела, а автоматически.

Прошлый сентябрь.

Поездка в Суздаль.

Новый год у друзей.

Моя операция на колене.

Март, когда он три недели был дома.

Лето.

Мой день рождения.

Год!

— Ты спал с ней в мой день рождения?

— Господи, Тань.

— Я спросила.

— Не помню.

Я засмеялась.

— Не помнишь мой день рождения? Серьёзно?

Петя встал.

— Я не хочу делать это так, — заявил он.

— А как ты хочешь?

Он отошёл к окну.

— Хочу всё по-человечески.

— М-м-м, — протянула я, прикидываясь понимающей. — Ты приходишь домой и говоришь жене, что год спишь с другой женщиной. Говоришь, что уходишь от меня... Что из этого звучит по-человечески, Петя?

— Я не говорил, что...

— Какая разница, что ты говорил?

Он резко повернулся.

— Вот поэтому я и не мог тебе сказать.

Я замерла.

— Что?

Пётр сразу понял, что произнёс не то, но вернуть слова было невозможно.

— Поэтому?

— Я не это имел в виду.

— Нет. Подожди.

Я подняла руку.

— Мне интересно. Поэтому ты год мне врал?

— Я не говорил этого.

— Потому что я бы неправильно отреагировала?

— Таня...

— Как надо было реагировать? Дай инструкцию.

— Перестань.

— Нет, правда. Я хочу хорошо справиться.

Он отвернулся.

И тут я увидела его не как мужа. На одну страшную секунду — как чужого мужчину.

Он стоял у окна нашей кухни. Высокий, немного сутулый, с сединой возле висков.

Я знала каждую складку на его рубашке.

Знала шрам на левом плече.

Знала, что он не любит кинзу и всегда забывает покупать зубную пасту.

Знала, что во сне он иногда разговаривает.

И ничего о нём не знала.

— Ты её любишь?

Пётр долго молчал.

— Да.

Я кивнула сама себе. Словно приговор подписала.

— Понятно.

Я встала, открыла холодильник.

— Что ты делаешь? — спросил Петя.

— Не знаю.

На полке стояла кастрюля. Я достала её.

— Будешь суп?

— Тань.

— Ты не ел.

— Я не хочу суп.

— Ты сказал, что ел в самолёте. Там кормят какой-то дрянью.

Я поставила кастрюлю на плиту, включила огонь.

— Я разогрею.

Петя подошёл и выключил конфорку.

— Не надо, — сказал он.

— Почему?

— Потому что я ухожу.

Я вдруг схватила его за запястье, чтобы удержать сейчас рядом.

— Пожалуйста, не уходи сейчас, — попросила я, изо всех сил стараясь не расплакаться.

— Останься на ночь. Уже поздно.

— Какая разница, Тань? — спросил Петя обречённо.

— Мы завтра поговорим спокойно, по-человечески. Мне это важно.

Петя пожал плечами. Как будто для него ночёвка дома не имела никакого значения, но он уступил мне.

— Ладно. Останусь. Голова раскалывается, если честно. Я почти не спал.

Я отпустила его руку. Внутри мгновенно возникло облегчение.

Нелепое, почти счастливое. Он останется ещё на одну ночь.

Как будто передумает уходить до утра.

— Вот именно, нечего ездить впотьмах, — продолжала я сыпать аргументами.

Я даже улыбнулась.

Но Пётр смотрел на меня с такой жалостью, что улыбка исчезла.

— Я имел в виду, что переночую здесь, но не с тобой, — уточнил он, снимая куртку.

— В комнате Лизы.

Он хотел занять новое место в доме. Я поспешила его расстроить.

— У Лизы в комнате небольшой склад. Так что не получится.

Петя вздохнул.

— Ты уже начала ремонт?

— Да. Я тебя предупреждала.

Он промычал что-то и потёр виски.

— Наша кровать всё ещё огромная, Петя, — напомнила я. — Не бойся, я не стану на тебя кидаться.

Он мрачно усмехнулся.

— Я не боюсь. Мне бы в душ...

— Конечно. Иди.

Петя достал полотенце из сумки. Маленькая победа с курткой рассыпалась в прах. Он не хотел даже взять в шкафу полотенце — намеренно абстрагировался от наших вещей, нашего дома.

Мне стало трудно дышать. Я села обратно за стол.

Петя ушёл в душ. Меня потихоньку настигала паника. Я справлялась с ней, как могла.

Посмотрела вокруг: на холодильник с магнитом из Калининграда, на чашку Пети, на скатерть, на стену в гостиной, которая ждала покраски.

На подоконнике лежали три выкраса. Всю неделю я мучила колористов в салоне, чтобы добиться идеального оттенка. Одного идеального так и не получилось. Мы намешали три. Я хотела выбрать лучший с Петей, когда он вернётся.

Только ему уже не до наших стен.

Кажется, мне теперь придётся решать самой.

Я встала и взяла выкрасы с подоконника. Разложила их на столе и смотрела, не мигая.

Придётся выбрать самой.

— Что это? — спросил Петя, вернувшись из душа.

— Образцы цветов, — озвучила я очевидное.

— Красивые. — Он даже не взглянул. — У тебя отличный вкус.

Новая боль обожгла меня. Пренебрежение. Петя едва взглянул на образцы. В гробу он видал мои цвета и мой ремонт. Я не смогла промолчать.

— Когда я предложила сделать ремонт, ты уже решил уйти?

Петя вытер волосы и бросил полотенце на стул.

— Какая разница?

— Большая. Я собиралась перекрасить гостиную для нас.

— Брось, ты заварила кашу с ремонтом для себя.

Я проглотила обиду, чтобы не обострять, и сказала:

— Не обязательно решать сейчас.

— Ты про цвета? — уточнил он.

— Да, — соврала я, не моргнув глазом. — Утро вечера мудренее. Иди спать.

— А ты?

— Я следом. Иди.

Пётр послушался и пошёл в спальню.

Я прибрала на кухне, почистила зубы и переоделась.

Петя лежал на краю кровати, под своим одеялом. Он не спал. Я устроилась на другом краю и некоторое время просто смотрела в тёмный потолок.

— Давай не будем сейчас, — проговорила я, не выдержав.

— Что не будем?

— Решать.

— Я уже решил, — голос мужа был хриплый, но уверенный.

А я продолжала цепляться то ли за надежду, то ли за отрицание.

— Ты думаешь, что решил.

— Нет.

— Петя, люди не выбрасывают двадцать лет из-за романа.

— Это не из-за романа.

Я повернулась на бок и посмотрела на него.

— А из-за чего?

— Я не хочу больше так жить, — признался он.

— Как?

— Вот так.

— Очень содержательно.

— Ты понимаешь, — настаивал он.

— Нет. Объясни.

Петя провёл ладонью по лицу.

— Мы давно живём как сотрудники одной компании.

— Что?

— У нас расписание. Бюджет. Ремонт. Кто заберёт машину из сервиса. Кто переведёт Лизе деньги. Что купить. Куда поехать летом.

— Это называется жизнь.

— Возможно.

Я начала злиться из-за его странных причин.

— А ты чего хотел? Фейерверков каждый вечер?

— Я не про фейерверки.

— Тогда про что?

Он повернул голову и посмотрел на меня.

— Я рядом с тобой давно ничего не чувствую.

Эта фраза оказалась страшнее признания в измене.

Измена была событием. Событие рано или поздно кончится.

А это было заключением.

— Ты врёшь, — почти выкрикнула я. — Не верю.

— Как скажешь, — быстро согласился Петя.

Так соглашались с буйно помешанными, пьяными и террористами.

Я окончательно рассвирепела и поспешила напасть, обороняясь.

— Ты сам ничего не делал!

— Возможно, — снова согласился муж.

— Нет, не «возможно». Ты приезжал и ложился с телефоном. Я предлагала куда-то сходить — ты устал. Поехать — у тебя работа. Поговорить — завтра. Секс — ты устал. Всё ты устал!

— Да.

— А теперь оказалось, что со мной ты ничего не чувствуешь?

— Я не обвиняю тебя.

— Это ещё хуже! Знаешь что, Петя? Очень удобно. Целый год спать с другой женщиной, а потом прийти домой и сообщить, что у нас, оказывается, давно всё было плохо.

Он молчал.

— Я вот почему-то не знала.

— Я говорил.

Я даже приподнялась на локте.

— Что ты говорил?

— Какая теперь разница?

— Нет, подожди. Мне интересно. Когда именно ты сообщил мне, что наш брак разваливается? Я, видимо, пропустила.

Петя тяжело вздохнул.

— В прошлом октябре.

— Что было в прошлом октябре?

— Я просил тебя поехать со мной.

Я замолчала.

— Куда?

Он самодовольно фыркнул.

— Вот именно.

Мне понадобилось несколько секунд, а потом я вспомнила.

Казань.

У Пети там запускался какой-то новый объект. Он собирался уехать почти на две недели и предложил мне прилететь к нему на последние три дня. Сказал, что закончит раньше, мы останемся на выходные, погуляем, проживём в хорошем отеле.

Я отказалась.

У меня как раз пришла большая партия мебели из ресторана. Двадцать два стула, два буфета и старый дубовый бар, который нужно было закончить к открытию.

— У меня была работа, — напомнила я.

— Я знаю.

— Очень большой заказ.

— Я знаю, Таня.

— Тогда к чему ты это сейчас вспомнил?

— Ни к чему.

Он снова отвернулся. Меня это разозлило.

— Нет уж. Договори.

Петя долго молчал.

— Я тогда не из-за Казани расстроился.

— А из-за чего?

— Ты даже не спросила, в какой гостинице я остановлюсь.

Я нахмурилась.

— И что?

— Ничего.

— Петя, господи. Мне надо было спросить название гостиницы, и тогда ты бы не завёл любовницу?

— Вот поэтому я и не хотел ничего объяснять.

— Нет, объясни!

Он резко сел на кровати.

— Я не про гостиницу!

Я замолчала.

— Я позвонил тебе, — продолжил он уже тише. — Сказал: приезжай. Три дня. Только ты и я. Я всё придумал. Нашёл ресторан. Хотел машину взять, съездить за город. А ты даже не дослушала. Сказала: «Петь, у меня двадцать два стула».

Я помнила эти стулья. Прекрасно помнила.

Итальянские. Орех. У половины расшатаны спинки, на четырёх треснули царги. Заказчик платил столько, что я потом два месяца всем рассказывала, какой контракт отхватила.

Петин звонок я помнила хуже.

Это меня разозлило ещё сильнее.

— И ты молчал целый год из-за того, что я не приехала в Казань?

— Не из-за Казани.

— Тогда из-за чего?!

Он посмотрел на меня.

— Потому что я вдруг понял, что ты не хочешь.

— Чего?

— Меня.

Я растерялась.

— Что за бред?

— Может быть.

Он лёг обратно.

Я не собиралась принимать эту чушь.

У меня был заказ.

Работа.

Обязательства перед людьми.

Нельзя бросить мастерскую посреди проекта и улететь на три дня только потому, что мужу внезапно захотелось романтики.

Это называется ответственность.

Это называется взрослая жизнь.

Я уже почти открыла рот, чтобы всё это сказать.

Но вспомнила одну деталь.

Через неделю после его возвращения я купила себе билеты в Петербург на мебельную выставку.

На три дня.

Петя тогда спросил:

«А работа?»

Я ответила:

«Это тоже работа».

Почему-то именно сейчас я вспомнила его лицо.

Он ничего не сказал.

Вообще ничего.

Я отвернулась к стене.

— Всё равно надо было сказать прямо.

— Да, — согласился Петя.

И это его спокойное «да» оказалось хуже спора.

Потому что спорить было не с чем.

Он должен был сказать.

Я должна была услышать.

Ни один из нас этого не сделал.

Только почему-то расплачиваться за это мы начали сегодня.

Я смотрела на него, пытаюсь разглядеть в темноте ночи хоть что-то в его лице. И вдруг поняла, чего хочу.

Я хочу вернуть утро.

Сегодняшнее утро.

Когда он был просто в командировке.

Когда существовала Марина, но я о ней не знала.

Я хотела обратно в ложь. Солгав самой себе, что всё можно вернуть, я попросила:

— Давай попробуем ещё раз.

Петя подавился воздухом.

— Что вернуть, Таня?

— Нас. — Я придвинулась ближе. — Давай попробуем.

— Тань...

— Нет, послушай.

Я заговорила быстро.

Теперь главное было не дать ему вставить слово.

— Мы давно никуда не ездили вдвоём. Нормально. Без Лизы, без твоей работы. Можно уехать. Хоть на месяц.

— Это ничего не изменит.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что...

— Ты не знаешь.

Я взяла его за руку.

Он не отдернул.

Это дало надежду.

— Я тоже виновата.

— Не надо.

— Нет, виновата. Я запустила нас. Я всё время занималась чем угодно — клиентами, домом, Лизой...

Анализируя в моменте, я принимала часть вины на себя. Когда-то у меня была маленькая мебельная мастерская, где я сама снимала старый лак, подбирала шпон, часами восстанавливала резьбу. Потом заказов стало больше. Я сняла помещение, наняла двух мастеров, потом ещё одного.

Последние годы я больше считала сметы, чем держала в руках инструмент.

Мне казалось, это и есть взрослая жизнь.

Строить.

Расширять.

Зарабатывать.

Планировать.

Я мгновенно возненавидела каждое из этих слов.

— Я могу меньше работать.

— Не надо, Тань...

— Могу. Продам мастерскую.

Я сжимала руку мужа всё крепче. Он стал вяло пытаться избавиться от моей хватки, не причиняя мне боли.

— Господи, не надо продавать мастерскую, — выдохнул Петя. — Я не хочу этого точно.

— Почему?

— Потому что дело не в мастерской!

— Тогда в чём?

Он осторожно высвободил руку. Именно в этот момент я поняла.

Не когда он сказал про Марину.

Не когда сказал «люблю».

Сейчас.

Когда убрал руку.

Петя не торговался.

Он действительно уходил.

И меня накрыло паникой. Животный страх отравил кровь, украл дыхание.

— А Лиза? — Я словно нож ему в спину воткнула.

Потому что ничего у меня больше не осталось.

Петя вздрогнул. О да. Я попала даже не в спину, а в сердце.

— При чём тут Лиза?

— Она твоя дочь.

— Я знаю.

— И что ты ей скажешь?

— Правду.

— Какую?

— Что мы расходимся.

— Мы? — Я ехидно рассмеялась. — Какие удобные слова. «Мы расходимся».

Петя явно уже пожалел, что остался, но я не могла молчать. А жалеть его — тем более.

— А что я должен сказать? — выдохнул он.

— «Я бросил твою мать ради другой женщины».

— Не надо втягивать Лизу в наши отношения. Она переживёт. Ей девятнадцать.

— И что? В девятнадцать отец уже не нужен? — не могла я успокоиться.

— Я не перестаю быть её отцом.

— Ты уходишь из семьи.

Пётр натянул одеяло до подбородка и буркнул:

— Я ухожу от тебя.

— Не бывает так!

— Бывает.

— Нет!

Петя ткнул подушку кулаком, взбывая. Бестолковое занятие. Подушка была ортопедической. Мы вместе покупали её в крутом постельном салоне. Петя тогда долго лежал, пытаясь прислушаться к ощущениям, о которых щебетал консультант. Я лежала рядом с ним на такой же и ни черта не чувствовала, только хихикала.

Нам было весело вместе. Нам было хорошо вместе.

Когда именно это закончилось?

— Петя. — Голос сорвался.

Он посмотрел на меня в темноте.

— Не уходи.

Впервые я сказала это прямо.

Без аргументов.

Без ремонта.

Без Лизы.

Без двадцати лет.

Просто:

— Не уходи.

Его лицо изменилось. Я этого не видела, скорее почувствовала. Слёзы катились по щекам. Я глотала ком, который застрял в горле, стараясь не разрыдаться.

Петя подвинулся ближе, перекинул через меня руку, погладил по спине.

Это оказалось самой жестокой вещью, которую он сделал за весь вечер.

Я вцепилась в него, прижалась лицом к его груди.

Он пах нашим мылом.

— Мы можем это исправить, — прошептала я, утопая в отчаянии.

Пётр гладил меня по волосам и ласково сказал:

— Нет.

— Можем.

— Таня, пожалуйста...

— Пожалуйста, — повторила я за ним эхом. — Ты меня совсем не любишь?

Он не ответил. Этого было достаточно, чтобы я отступила.

— Понятно.

Я вытерла лицо ладонями и повернулась к нему спиной.

— Спи.

Он действительно уснул через минуту.

Я усмехнулась. Как всегда. Петя умеет засыпать мгновенно в любом месте.

У меня никогда так не получалось. Особенно после ссоры или тяжёлого дня.

Стоит ли говорить, что я почти не сомкнула глаз до утра. Если и задремала, то ненадолго.

Разбудил меня звук на кухне.

Петя стоял одетый у стола спиной ко мне и пил кофе. Он торопился уйти.

Я заметила, что он смотрел на образцы, которые я оставила на столе.

— Какой тебе больше нравится? — спросила я тихо.

Он вздрогнул, и кофе выплеснулся на стол. Я взяла салфетку, чтобы протереть капли.

— Ты меня напугала. Доброе утро.

Утро добрым точно не было, поэтому я спокойно игнорировала ритуалы лицемерной вежливости.

— Так какой цвет? — повторила я вопрос.

— Все красивые. — Он пожал плечами.

— Выбери, — настаивала я.

— Второй. Пусть будет второй.

Я усмехнулась уголком рта и кивнула.

— Хорошо. Значит, второй.

Петя допил кофе и поставил кружку в раковину.

Я машинально сказала:

— Не оставляй так. Сполосни хотя бы.

Он открыл кран, сполоснул, поставил чашку на сушилку.

Я смотрела на него и вдруг подумала, что, возможно, это последняя чашка, которую он помыл в этом доме.

От этой мысли стало дурно.

Петя вернулся в прихожую и поднял сумку.

Я пошла за ним.

Не собиралась, но ноги сами понесли. Я всегда провожала его.

Он надел куртку, проверил карманы.

Телефон.

Кошелёк.

Документы.

Всё делал спокойно.

Как перед обычной командировкой.

Я стояла в дверях гостиной.

— Ты всё взял?

Господи. Муж уходит к другой женщине, а я интересуюсь, не забыл ли он зарядку.

— Вроде да.

Он оглядел прихожую.

Потом сунул руку в карман и достал связку ключей.

Я сразу поняла, что он собирается сделать.

— Не надо.

Петя посмотрел на меня.

— Что?

— Ключи не оставляй.

Он пожевал губы и сказал:

— Я здесь больше не живу, Тань.

Эти слова ударили сильнее, чем вчерашнее «я ухожу».

Вчера он ещё был здесь. Стоял на нашей кухне. Лежал в нашей кровати. Мылся в нашем душе.

А теперь вдруг — не живёт.

Как будто за ночь его выписали из собственной жизни.

— И что? — спросила я. — Ты Лизин отец. Мало ли что понадобится.

— Можно позвонить.

— Оставь ключи себе.

Он смотрел на меня.

Я понимала, как жалко это выглядит.

Мне было всё равно.

Пока у него есть ключ, он может вернуться.

Не ко мне.

За рубашкой.

За документами.

За какой-нибудь дурацкой отвёрткой.

Неважно.

Ключ открывает дверь.

Мне сейчас хватало даже этого.

Петя медленно убрал связку обратно в карман.

Маленькая победа.

Ещё одна.

Я уже научилась собирать их по крошкам.

Он поправил сумку на плече.

— Я потом заберу остальные вещи.

Я смотрела на его сумку. Вчера вечером она показалась мне слишком маленькой.

Он и не собирался уносить все двадцать лет, взял только то, что понадобилось на первое время.

Остальное можно забрать потом.

Куртки.

Книги.

Инструменты.

Кроссовки.

Коробку с проводами, которую я десять лет просила выбросить.

Человека можно вынести из дома частями. Оказывается, это очень удобно.

— Пока, — бросил Петя небрежно.

Я ничего не сказала.

Он вышел. Дверь закрылась тихо.

Я постояла ещё немного, прислушиваясь.

Но нет.

Было тихо.

Петя ничего не забыл, не вернулся.

Я пошла на кухню.

Его кружка сохла на решётке рядом с моей.

Я не стала убирать её в шкаф.

Дома я тоже не стала задерживаться. Быстро собралась и поехала в салон. Салон только открылся, и сонный парень встретил меня с плохо скрываемым раздражением.

— Что-то ещё смешаем? — предложил он.

— Нет. — Я протянула ему образец № 2. — Мне нужна эта краска.

Он возвёл глаза к небу, разве что не перекрестился.

Домой я ехала уже в компании банок с заколерованной краской.

Серый лён.

Идеально.

Как только я вошла домой, сразу взялась за кисть.

И остановилась только к вечеру, когда вся стена стала серо-льняной.

Я сидела на полу и смотрела, как высыхает краска.

Влажные участки были тёмными.

Сухие — светлели.

Я подумала, что утром цвет станет совсем другим.

На банке было написано, что окончательный оттенок проявляется через восемь часов.

Я посмотрела на часы.

Полночь.

Где-то сейчас Петя засыпал с другой.

Я зря пыталась найти правильные слова.

Про любовь.

Про дочь.

Про двадцать лет.

Про мастерскую.

Про отпуск.

Про терапию, которую даже не успела предложить.

Мне казалось: существует какая-то комбинация слов, после которой Пётр передумает.

Но такой комбинации не было.

Потому что этот разговор начался сегодня только для меня.

А для него — много месяцев назад. Может быть, много лет назад.

Просто всё это время он вёл его без меня.

Я поднялась, вымыла кисть, плотно закрыла банку и выключила свет.

В темноте новый цвет стены перестал быть виден.

Комната снова казалась прежней.

Я знала, что это только до утра.

Глава 2. Ключ

Петя

Я долго стоял перед дверью и смотрел на связку ключей.

Обычный ключ от обычной квартиры.

Я пользовался им почти пятнадцать лет и раньше никогда не задумывался, что железка весом в несколько граммов может вызывать столько сомнений.

Позвонить я уже пытался. Таня не ответила.

Я набрал ещё раз, подождал, пока длинные гудки оборвутся, потом зачем-то посмотрел на экран, будто там могло появиться объяснение.

Ничего.

Я знал, что она дома. Машина стояла во дворе. В окнах горел свет.

Можно было позвонить в дверь. Наверное, так было бы правильнее.

Но я всё равно вставил ключ. Щёлкнул замок.

Этот звук показался громче, чем раньше.

Я вошёл и сразу почувствовал запах краски. Свежей, немного химической, смешанной с привычным запахом Таниного дома.

Именно Таниного.

Я поймал себя на этой формулировке и задержался в прихожей.

Когда-то я называл это место нашим домом даже мысленно. Потом долго старался вообще никак его не называть.

Теперь слово пришло само.

Танин.

— Тань? — позвал я.

В ответ что-то стукнуло.

Через несколько секунд она появилась в гостиной.

На ней были старые спортивные брюки, футболка с пятнами краски, волосы собраны в небрежный пучок. В одной руке она держала валик.

Сначала Таня просто смотрела на меня, потом её взгляд опустился на связку ключей в моей руке.

— Ты охренел? — спросила она совершенно спокойно.

Я даже растерялся.

— Привет.

Она не стала здороваться в ответ, а спросила:

— Ты как вошёл?

Я показал ключи, чувствуя себя школьником, который баловался.

— Ключом.

Таня раздражённо причмокнула.

— Это я вижу, Петя.

В её голосе не было истерики или злости в привычном смысле. Скорее холодное недоумение.

Это оказалось неприятно.

— Я звонил, — объяснил я.

— Мне?

— А кому ещё?

Таня развернулась и пошла в гостиную. Я последовал за ней и увидел телефон на подоконнике, заваленный тряпками.

Она подняла его.

— Три пропущенных.
— Именно.
— Он был на беззвучном.
— Я понял.
Она положила телефон обратно.
— Поэтому нормальные люди звонят в дверь.
Я почувствовал раздражение.
— Ты сама сказала ключ оставить.
Таня приподняла брови.
— Петя, это было год назад.
— И что?
— Ничего, — сказала она, пожав плечами. — Теперь попрошу звонить в дверь, а уже потом открывать самостоятельно.
Она снова повернулась к стене и взяла валик.
Я огляделся.
Первое, что бросилось в глаза, — гостиная стала другой.
Не радикально. Диван стоял там же. Шкаф остался на месте.
Но появились новые светильники, другой ковёр, полки, которых раньше не было.
Комната выглядела уютно и почему-то казалась просторнее.
— Ты красишь? — спросил я.
Таня обернулась и посмотрела на валик в своей руке.
— Нет. Готовлю плов.
Я усмехнулся.
Она тоже едва заметно дёрнула уголком рта, но сразу отвернулась.
Старое движение, знакомое до боли.
— Я за документами приехал, — объяснил я.
— Какими?
— По квартире. Старые бумаги БТИ, договор. Они вроде в кабинете лежали.
— Иди ищи.
Я кивнул и уже собирался пройти дальше, но заметил стену.
Ту самую. Серую.
Цвет, который она выбирала в ту ночь. Точнее, который выбрал я.
Почти не глядя, если честно. Ткнул пальцем в небо, чтобы Таня отвязалась.
— Ты её оставила.
Таня проследила за моим взглядом.
— Кого?
— Стену.
— Стена как стояла, так и стоит, Петя.
— Цвет.
Она посмотрела на серую поверхность.
— А.
Я подошёл ближе. Цвет оказался лучше, чем я помнил.
Днём он выглядел холоднее. Сейчас, в тёплом свете ламп, стал мягким, почти бежевым.
— Красиво получилось, — сказал я искренне.
— Спасибо.
— Правда.
— Я слышала с первого раза.
Я помолчал.
— Почему оставила?

Таня не сразу ответила. Она провела валиком по дверце шкафа, аккуратно прокрашивая угол.

— Подошёл к мебели.

— Понятно.

Я почему-то ожидал другого ответа.

Какого именно — сам не знал.

Может быть, что она скажет: потому что ты выбрал. Или: потому что не смогла перекрасить.

Но ничего такого не прозвучало.

Мне стало одновременно легче и неприятнее.

Я пошёл в свой бывший кабинет.

Теперь там стоял большой рабочий стол, несколько образцов ткани, какие-то каталоги, коробки с фурнитурой.

Моего почти ничего не осталось.

Я открыл шкаф, потом второй.

Документы нашлись в нижнем ящике.

Я достал папку и вдруг заметил, что руки работают автоматически.

Я всё ещё помнил, где здесь что лежало.

Даже спустя год.

Странное чувство.

Как будто тело помнило дом лучше, чем мне теперь полагалось.

Вернувшись в гостиную, я увидел, что Таня красит старый шкаф.

— Ты его решила перекрасить?

— Нет, Петя, я просто тестирую валик.

Я вздохнул.

— Ты всегда теперь будешь так отвечать?

— Как?

— Как будто я идиот.

Она наконец посмотрела на меня.

— Не всегда, — и добавила с лёгкой усмешкой: — Только когда задаёшь идиотские вопросы.

Я невольно засмеялся. Она тоже.

И на секунду всё стало слишком знакомым.

Вот это было опасно.

Я сразу отвёл взгляд.

— Коробку мою не видела?

— Какую ещё коробку?

— С проводами.

Таня замерла с валиком, медленно повернулась.

— Ты пришёл через год за коробкой с проводами?

— Не за ней. Мне просто нужен один переходник.

Она закрыла глаза.

— Господи.

— Ты её выбросила?

— Конечно.

— Тань.

Она выдержала паузу и всё же сжалась надо мной, махнула рукой.

— В кладовке. Нижняя полка.

— Так и знал, — улыбнулся я.

Коробка действительно стояла на месте. Почти на том же.

Я достал её и почувствовал какой-то нелепый прилив благодарности.

Таня могла выбросить. Имела полное право, но сжалась над моим хламом.

Я вернулся на кухню и робко попросил:

— Можно кофе?

Она посмотрела на меня так, будто я попросил остаться жить.

— У тебя дома кофе закончился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.